

Дин Тянь размышлял обо всём этом, пока незаметно для себя не провалился в чуткую полудрему. Очнулся он лишь тогда, когда со двора донеслось первое утреннее кукареканье.

Он спешно вскочил с лавки — в камере его дожидались трое невольников, которых нужно было накормить.

Плеснув в лицо ледяной воды, чтобы окончательно разогнать остатки сна, молодой надзиратель принялся за работу. Дрова в печи давно прогорели. Он выгреб золу, заново развёл огонь в очаге, наполнил котёл водой и поставил вариться густую кукурузную кашу-болтушку. На соседней конфорке зашипела пароварка, разогревая решётку пышных мантоу из смеси кукурузной и пшеничной муки.

Затем он мелко настругал соломкой солёные горчичные клубни. Разогрев в маленьком чугушке сурепное масло, быстро обжарил соленья, бросил туда же добрую горсть хрустящих свиных шкварок, сдобрил всё душистым кунжутным маслом, перьями зелёного лука и парой ложек жгучего перечного настоя. Тщательно перемешав ароматную закуску, Дин Тянь отложил порцию для себя, а остальное разделил на три равные части.

Завтрак для узников был готов: глубокая чаша дымящейся каши, четыре сытных мантоу в щербатой глиняной миске да острая закуска со шкварками.

Себе он собрал точно такую же порцию, разве что побаловал себя дополнительно солёным гусиным яйцом.

Аккуратно расставив миски в деревянном коробе для еды и поправив форменную одежду, Дин Тянь подхватил ношу и зашагал к камерам.

Спустившись в казематы, он обнаружил, что все трое его ночных подопечных ещё беспробудно спят.

Впрочем, удивляться не приходилось. Если уж самого Дин Тяня поднимали посреди ночи, то эти бедолаги наверняка проделали изнурительный путь в кромешной тьме, а под конец их ещё и насильно вымыли в бане. Теперь их и пушечным выстрелом было не разбудить.

— Подъём, пора завтракать! — окликнул их Дин Тянь, постукивая ключами по решётке. — Кормят здесь всего дважды в день, так что не зевайте!

Обычные крестьяне в этих краях и сами ели лишь два раза в сутки, так что для колодников это было неслыханной роскошью. В иных уездах арестантам дай бог раз в день перепадала какая-нибудь кислая похлёбка — лишь бы не окоchureлись раньше времени.

Но Дин Тянь так поступать не мог — совесть не позволяла морить людей голодом.

Разумеется, и устраивать пиры за свой счёт он не собирался — не настолько уж он был щедр. Его забота ограничивалась малым: сытная, пусть и простая пища, тёплая дерюга на плечи да исправно истопленная печь в коридоре, чтобы кости не мёрзли.

— Это... наш завтрак? — Ван Юдэ, проснувшись, привычно скривил недовольную мину, словно у него только что вырезали всю родню. Но, протерев заспанные глаза и приняв миску, он застыл в крайнем изумлении.

— Что дали, то и ешьте, не нравится — ходите голодными, — отрезал Дин Тянь. — Давай сюда флягу. Буду разносить кипяток — наполню. В день положено по два кувшина горячей воды на брата, обпиться можно.

Забрав посудину у растерявшегося Ван Юдэ, он подошёл к камере Ван Цзо:

— Твоя доля.

Ван Цзо с бесстрастным лицом принял еду. Уговаривать его не пришлось: он молча, без лишних расспросов протянул надзирателю свою флягу.

Труднее всего пришлось с Рябым Ху. Тот нехотя, зыркая исподлобья, сунул флягу Дин Тяню и проворчал глухим басом — бандиту казалось, что он говорит тихо, но на деле его угроза гулким эхом разнеслась по всему коридору:

— Слышь, главный тюремщик... Тебе лучше держать язык за зубами. Если я выберусь отсюда живым, первым делом наведаюсь к тебе долги отдавать!

— Твоё право, — равнодушно бросил Дин Тянь.

Он ни капли не испугался нелепой угрозы. Сохраняя каменное выражение лица, он забрал флягу и зашагал прочь.

От такого пренебрежения Рябой Ху едва не захлебнулся от злости.

Обычно подобные дерзкие речи оборачивались для арестанта либо жестокими побоями, либо голодным пайком. Ху прекрасно понимал, что его дело швах, а задание с треском провалилось, и прозябать в этой сырой норе ему не улыбалось. Наложить на себя руки духу не хватало, а вот вывести из себя Главного тюремщика, затеять потасовку и под шумок вырваться на волю — этот план казался ему вполне рабочим. Кто же знал, что Маленький тюремщик проявит такую выдержку и попросту проигнорирует выпад!

Впрочем, открыв короб с едой, разбойник невольно причмокнул. На воле он бы на такую простую стряпню даже не взглянул, но для тюремных застенков это был поистине царский пир.

Будучи тёртым калачом и завсегдатаем казённых домов, Рябой Ху успел повидать немало тюрем уездных управ. Кормили везде паршиво, но здешние порядки... определённо ломали все привычные устои.

Не меньше удивился и Ван Цзо. Он прекрасно помнил, что их приволокли сюда без гроша в кармане, и внутренне уже приготовился давиться прокисшими помоями, которые обычно именуют тюремной баландой. Откуда в казематах взяться приличной еде? Однако поданный завтрак превзошёл все ожидания. Изголодавшийся за последние дни Ван Цзо принялся за еду, не спеша отламывая кусочки от тёплой пампушки. Вчерашнюю воду он выпил до капли, а глухой ночью даже успел без труда облегчиться.

Отравы в еде точно не было, да и голод давал о себе знать — в такую стужу без горячей пищи долго не протянешь, околеешь от сырости. Так что гордость пришлось потеснить.

Последние дни выдались для него сущим кошмаром, похитители держали его впроголодь и уж точно не баловали деликатесами. Но ничего, пусть только наступит час расплаты...

Ван Цзо мысленно усмехнулся, устремив тяжёлый взгляд в сырую темноту камеры.

<http://bllate.org/book/19387/1997475>